

Екатерина Терешкевич

Балка. Здесь и там

Кухня

— ...Картофель, ананасы, сливки, шоколад, манго, солёные огурцы, макароны на всякий случай, трюфели, чем бы они ни были... ав... аво?

— Авокадо?

— Точно! Оно самое! И спаржу!

Строгая синеглазая феечка смотрела на Лидку жалостливо. Так потенциальные котовладельцы смотрят на самого зацмоктанного котёнка в помёте. Брать которого, разумеется, не собираются.

— Дитя, — сказала феечка утомлённо. — Ты хоть знаешь, как спаржа выглядит?

— Вот заодно и узнаю, — нахально ответила Лидка. — Не отвлекаемся, уважаемая. Горох свежий, сушёный и маринованный в банках, сахар, орехи разные, муку обязательно, ревун...

— Ревень.

— Один хрен. О! И хрен тоже!
Пишите-пишите, забудете ведь!

Золочёный карандаш в пальцах синеглазой феечки трудился как проклятый. Гора исписанной бумаги росла на полу Кухни.

Лидка не любила просыпаться быстро. Ей нравилось, когда сон отступает мелкими шажками, оставляя мягкий белый шлейф. В складках сонного шлейфа часто прятались чудеса. Но мусоровозка приехала ровно в семь ноль-ноль, по субботам они особенно пунктуальны. И грохот переворачиваемого мусорного бака вышиб Лидку из сна быстро и безжалостно.

Лидка перевалилась на спину, попутно расправив тёплый ком сбившейся выше бёдер ночнушки. Ей было досадно. Ей хотелось задать ещё несколько вопросов феечке, потрогать мудрёное оборудование Кухни и набить карманы засахаренными орешками. Но лязг ссыпаемой в смрадное чрево грузовика стеклотары все эти желания делал невыполнимыми. Лидка торопливо прокручивала в голове детали чудесного сна, стараясь запомнить как можно больше. Но это оказалось лишним: она и так всё прекрасно помнила, до мелочей. И бескрайние кафельные просторы, и сияющие никелем и хромом инструменты (о назначении многих Лидка даже представления не имела), и маленький серебряный ключик на своей ладони. Куда она его дела? Ах да, на цепочку повесила. Лидка машинально провела рукой по шее и замерла. Цепочки не было.

Она рывком села. Тяжёлое «верблюжье» одеяло шлёпнулось вперёд блином. Плечи моментально покрылись пупырышками гусиной кожи, но Лида внимания не обратила.

Цепочка, крепкая стальная цепочка, даже не пытавшаяся прикидываться серебряной, порваться не могла. И расстегнуться не могла — при необходимости Лидка сама с огромным трудом разнимала челюсти застёжки... Куда она могла деться?!

Лидка лихорадочно обшаривала постель. Ничего. Ни под подушкой, ни в складках пододеяльника. Нигде. Она вскочила на ноги, собираясь заглянуть под кровать. Цепочка, скользя по животу под ночнушкой, уютно свернулась на пальцах правой ноги.

Лидка с облегчением выдохнула. Никакой мистики. Но всё же интересно, как эта штука расстегнулась?

Она подняла цепочку. Замочек был цел и закрыт накрепко.

По звеньям перекатывался, как буёк по волнам, маленький серебряный ключик.

Тихие мамины шаги прошуршали по коридору. Мама шла готовить завтрак.

Год назад Лидка вообще не завтракала. Не хотелось никогда, поскольку состояние «после

вчерашнего» было для неё естественным и неотделимым. На упрёки отвечала, целуя маму в нос, что пока не похмеляется и домой сама приходит. А вот как начнёт похмеляться — тогда и будет пора волноваться. Мама плакала. Просила подумать о здоровье — своём и её. Один раз даже раз пыталась оттащить блудную дочь за волосы, но Лидка не далась и три дня после неудавшейся трёпки пропадала по знакомым.

Умела Лидка загулять, ничего не скажешь. Не терпела скуки. Да и времена попались стране весёленькие, «новое мЫшление», «раскрепощение мОлодежи», всем на всех плевать, лишь бы урвать из неостывшего ещё трупа большой страны кусок посочнее, милиция хватает только тех, кто одет поприличнее, а Лидкина кацавейка им не интересна. Сухой закон тонул в разливных озёрах самогона, палёной водки и крашенных чернилами вин.

Ох, гуляла черноглазая. С девятого класса как пошло, так и по прошлый год только быстрее и быстрее катилось. Лидка быстро поняла, что желающих развлечь длинноногую малолетку куда больше, чем можно себе представить, и крутить ими несложно, только меру знай. С кем из этих желающих спать, Лидка выбирала сама. Ну, почти всегда. Остальных ловко и необидно динамила, так что в претензии оставались только самые дремучие

козлищи, да и тех Лидка научилась вычислять сходу и отшивать ещё на старте. Завела друзей, которые при случае могли вступиться. Нет, душой она не была.

Хорошо гулялось на сломе мировоззрений. Главное, чтобы было плевать и на коммунистов, и на демократов, и вообще поменьше думать, иначе сбрендить можно, никакая водка не отольёт.

«Да когда ж ты нагуляешься, — причитала мама, — за ум возьмёшься? Нормальные дети учатся...» «Да без проблем, мулик, — сказала Лидка. — Если в этом вся заморочка...»

И поступила в институт, где конкурс был самый маленький. Аттестат у неё был, спасибо подруге Надьке, которая на выпускные экзамены будила и водила, а вступительные оказались лёгкими. Не дура же она. Принесла домой справку о зачислении, вручила маме и ушла в недельный загул. Отметить-то надо? Надо. Святое дело. Тем более что к дворовой компании прибавилась институтская. Что-то ещё на лекциях им бухтели, но если сесть подальше от доски, подпереть лоб ладонью, типа осмысляешь то, что старый пень за кафедрой выдал, и спи себе. На зачёте этому самому старому пню можно дать потрогать коленку, на большее он всё рано не годен, и никаких проблем. В остальном же ничего не поменялось. Только веселее стало.

А кончилось веселье вдруг, за один день. Точнее, утро.

Возвращалась Лидка домой после ночи с пятницы на воскресенье. Серый стылый февральский рассвет не радовал мутную Лидкину голову, только лупил по ушам порывами ветра, лез мозглостью под коротюсенькую юбку, давил на мозги низким небом. Даже дворовой комитет защиты нравственности в лице дворничихи и трёх старушек на пенсии ещё не выполз на вечную свою бестолковую вахту, и не с кем было поругаться, отвести душу. Кислый рвотный привкус во рту. Ничего, зубы почистить, чайку азербайджанского покрепче, так, чтобы даже цвет был, заварить и...

Вот и подъезд. Борт «рафика», крашенный в хаки, возник перед ней внезапно, словно прятался в ключьях рассветного тумана, чтоб напугать. Но не на таковскую напал. Тоже мне, БТР. Орудия и брони у «рафика» не было, зато имелись раздолбанные от частого употребления задние двери и красный малый крестик на боку. Из-за опущенного вниз стекла вылетали ключья табачного дыма, по густоте и ядрёности сильно уступавшие утреннему смогу.

— Труповозка, — радостно сказала Лидка вслух.

На голос из открытого окна высунулся водила. Модная шапка-«петушок» в три цвета над

опухшей, шилом бритой рожей.

— А кого ещё в такую рань принесёт, подруга? — выставил он напоказ редкие гнилые зубы. — Мы вот, менты да дохтура. И то, менты с докторами торопиться не любят. А нам вроде и торопиться некуда, но мы всегда на посту! Мухтар, ко мне!

В то же окошко протиснулась ещё одна рожа, только длинная и в клочковатой ушанке.

— Гав, — сказал второй, наскоро огладив размытым и ласковым взором Лидкины ноги. — Я Василий, артц фон тотен. Или дер? Один хер.

И рухнул внутрь фургона. Водила заржал.

— Патологоанатом он, — пояснил. — Юморист. Он культурный, но со смены только-только освободился, устал. Нижнеюжанские с палевскими в ночь месились, так у него работы было невпроворот. Поехали, подруга, с нами? У нас и спиртик есть, и денежек трошки...

Лидка брезгливо надула нижнюю губку и потрогала залепленный грязью борт. К запаху табака и бензина постепенно примешивался некий третий, сладко-ладанно-липкий.

— Хорошие вы ребята, — протянула она, — только компания у вас... э-э-э... слишком для меня тихая. А кто помер-то?

— Юмористка, — одобрительно качнул большой головой водила. — Да хули ж я знаю —

кто. Тётка какая-то с четвёртого этажа. Сердце вроде прихватило. Сейчас многие так. Кого на разборках не раскатают, тот сам от сердца скопытится. Времена...

Но Лидка уже не слышала философских рассуждений тёртого жизнью и смертью водилы труповозки, хотя, возможно, они были интересны.

Четвёртый этаж — её этаж. И завелась в последние полгода на кухне, в пиалке с разными необходимыми мелочами, облатка с маленькими рубиново-красными горошинами нитроглицерина.

Лидка побежала быстрее своих ног, расшибла колено о крыльцо. Лифт не работал с седьмого ноября, поэтому она полезла вверх по бесконечной лестнице, захлёбываясь слезами, соплями, огромным, как космос, одиночеством. Мама. Единственный на весь этот космос человек, которому Лидка была нужна со всем прикладом. Единственный человек, ею же, Лидкой, легкомысленно убитый в ночь с пятницы на воскресенье.

До четвёртого этажа она доползла на четвереньках, оставив на щербатых ступенях ключья дефицитных колготок. Дверь была приоткрыта, а как же, никогда не запирают, если покойник в доме, и Лидка ударилась в неё руками и грудью, прямо так, не вставая с колен. Если бы у неё остался запас хоть на один вдох, она бы кричала

в голос, выла...

За дверью, открывавшейся, как в любом порядочном советском доме, вовнутрь, стояла мама.

Держала у горла расходящийся воротник халата. Заплаканная.

— Нинель Иосифовна, напротив... — всхлипнула она, прижав Лидкино лицо к халатному подолу. — Умерла Нинель Иосифовна, сердце... Меня просили опознать... Лидка, да что ж ты так напилась, а? Уже на четырёх костях домой приходишь. Стыдно же перед людьми... Что ж ты?.. Похороны во вторник...

— Я больше не буду, мама, — пробормотала Лидка в рыхлые и белые, со стрелочками варикозных сосудов, мамины колени. — Я же сама пришла. Я больше не буду.

Как отрезало.

Пропали жёлтенькие бесовские искры в чёрных глазах, пропала бесконечная череда моментальных и плоских, как полароидные фотографии, безымянных дружков и подружек; даже жёсткие, торчавшие во все стороны и не слушавшиеся никаких расчёсок волосы как-то поникли, улеглись, позволили заплести себя в короткий тугий «колосок». Институт — дом, дом — институт. Скучные длинные осенние субботы перед телевизором. Иногда — Надька, которой всегда

было без разницы, где, с кем и сколько выпито, кто заснул в огурцах, кто пугал Ихтиандра, а кто плясал голым на столе. Зато стало много книг. И явилось запоздавшее удивление, какого чёрта её занесло в институт пищевых технологий. По большому счёту Лидке было всё равно, но приятным оказалось открытие, что если действительно учиться, то можно потратить прорву никому не нужного времени. Ещё и стипендию назначат. Не отдадут — но назначат.

И счастливая мама. Целый год — счастливая мама.

А вот теперь в довесок — маленький серебряный ключик, которого не может быть. Ключик от великолепной Кухни, в которую можно попасть, если «повернуть глаза и подняться по лестнице». Так сказала синеглазая феечка во сне, который был больше похож на жизнь, чем предыдущий Лидкин год. Да и не один предыдущий, если начистоту. Лида потрянула головой, заставляя себя пока не думать о невозможном.

— Доченька, иди завтракать, — певучий и слегка виноватый мамин голос. — Я уже всё приготовила!

Неудивительно, что так быстро. Готовки-то, готовки... Ячневая каша и салатик «горе луковое» (лук колечками, соль, уксус и постное масло). И

чего мама так напрягается? Все так живут. Времена...

2

Пробовать дома Лидка не рискнула. Мало ли что. Такие сомнительные делишки лучше проворачивать на конспиративных квартирах.

Ближе к сумеркам она быстро оделась, скороговоркой протараторила маме, что скоро вернётся, и вылетела на улицу. Сердце колотилось, как бешеное.

У Лидки не было конспиративной квартиры, зато было То Место. Когда-то это был большой и прочный дом, построенный для большой семьи на многие десятилетия. По какому капризу архитектурного ведомства его решили снести — неизвестно, но стены в три кирпича раскрошили, смешав с обломками монументального комода мезозойской эры. Не поддавшиеся времени и жучкам оконные рамы растащили соседи, а вот подвал остался. Хороший добротный подвал, в котором одно время жили бомжи, а потом — только кошки, наглые и тощие твари с характером кашалотов. Лидка нашла То Место случайно, шлялась по пустырю вблизи Балки, когда никого не хотелось видеть, и попала ногой в полузасыпанное, почти сровнявшееся с землёй подвальное окошко.

Когда выдернула ногу, чуть не вскрикнула, но не от боли, а от неожиданности: из темной дыры на неё тарасились жёлтые и блестящие, как начищенные медные монеты, кошачьи глаза.

В подвале Лидка обнаружила кое-какую мебель, покой и тишину. В то самое окошко снизу было видно только небо, и это Лидке нравилось особо.

Она не была здесь год, и очень боялась, что обнаружит на месте своего подвала шлакоблочную девятиэтажку или ещё какую-нибудь напасть вроде ларька с водкой. Но подвал был на месте, и кошки, судя по запаху — тоже. Диван от сырости покрылся какими-то лишаями, зато стул только немного перекосялся. На него Лидка и уселась, мусоля в потной ладони серебряный ключик. Что делать дальше — она не представляла. «Поверни глаза». Легко сказать — поверни. Как их вертят? Она скосила, насколько возможно, глаза к носу. Ничего не произошло, только нос почему-то зачесался. Идиотская ситуация.

Внезапно Лидка поняла, что ситуация не просто идиотская, она безумная, абсолютно сумасшедшая. И в такой ситуации лучше всего было бы сдаться на дурку, но Лида знала от знакомого наркомана, что сейчас твориться в домах призрения, и сдаваться туда казалось безумием ещё большим.

Её внимание привлёк маленький паучок, который двигался вдоль спинки замшелого дивана и целеустремлённо перебирал всеми восемью лапками. Куда ему надо так срочно? Что с ним будет, когда он добежит, куда хотел? Обнаружит ли он, что за краем диванной шири точно такое же дерьмо, или ему откроются неведомые и прекрасные города?

Лидка опустила веки. Откроются ли ей чудные дали? Или всё это только сон, и она давно сошла с ума, или она и есть этот самый целеустремлённый паучок, желающий постичь тайны старого дивана с клопами? Хотя нет, клопы наверняка давно вымерзли.

Глаза для начала Лидка представила отдельно от себя, вделанными в блестящую чёрную плёнку. Просто глаза — большие стеклито-белые шары с радужками-инкрустациями. На ощупь глаза оказались неожиданно неприятными, осклизлой тёплой мягкостью напомнив проросшую прошлогоднюю луковицу. Повернулись они легко и...

Лидка стояла на лестнице. Бетонной серой лестнице, отличной от той, что в подъезде, только отсутствием плевков и похабных надписей. Да, ещё подъездные лестницы обычно не висят в темноте безо всякой опоры. И на площадке чаще бывает всё-таки по четыре двери, а не одна-единственная.

Пошатываясь, Лида поднялась по девяти ступеньками. Долго не могла попасть ключом в замочную скважину. Но всё-таки справилась с собой и скользкими пальцами. Замок щёлкнул оглушительно. Лидка толкнула дверь и вошла на Кухню.

Да, всё было именно так, как во сне. Только феечки не было. А так всё было. И кафельные просторы, и тепло светящийся потолок, и никогда не виданные ею, Лидкой, устройства и аппараты, и более-менее знакомые холодильники, шкафы, полки, разделочные доски размером с три нормальных стола... Что интересно, Лидка, кажется, знала, как пользоваться неизвестными ей приборами, и что где лежит.

А ещё была вторая дверь в дальней стене. Феечка сказала: не трогай пока. Но у Лидки и желания такого не было. Пугала её эта дверь, ещё во сне испугала.

Во сне? А сейчас что?

Кухня задрожала зыбким миражом.

— Надо сделать бутерброд, — громко и торопливо выкрикнула Лидка, цепляясь за привычные действия.

Метнулась ко второму стеллажу, рванула на себя ящик, вытащила торопливо буханку ржаного хлеба.

Очертания предметов плыли, как тающее

мороженное, а ещё надо найти нож! Время!

Какой там бутер? Лидка зажмурилась и вцепилась зубами в буханку. Восхитительный вкус, чуть кисловатый, царапающая язык прижаренная тёплая ещё корочка, аромат... Настоящий. И крошки посыпались за пазуху, куртка-то до половины расстёгнута.

Проглотила раскисший во рту мякиш. Открыла глаза.

Кухня стояла незыблемо, как Эверест.

Лидка опёрлась о край огромного стола. Ноги у неё дрожали, лоб покрылся потом, по сердцу прошла привычная с детства иголочка, но во рту стоял вкус хлеба, который вряд ли пекли человеческие руки. Хлеба с её Кухни.

С её. Кухни.

— Моя Кухня, — сказала она.

Словно в ответ на её слова, раздался выстрел. Негромкий и нестрашный. И что-то ударилось снаружи в дальнюю дверь Лидкиной кухни.

... Паучок добрался до края дивана. Небо в окошке окрасилось розовым: там уже бушевал неожиданно яркий для февраля закат. Лидка поднялась на ноги и стряхнула с себя хлебные крошки.

Лидка не была душой и умела верить своим глазам, пусть и повернутым. И соображать, что к чему, тоже умела.

«Я же учусь в жрачном институте, — сказала она маме, — значит, теперь готовлю только я. Практика, практика и ещё раз практика!» Мама посмеялась и уступила место у плиты без возражений. Конечно, зачем возражать, она никогда не особо любила готовку, а в последнее время, когда пошла на вторую работу, где хоть что-то платили наличными, к вечеру едва держалась на ногах. Ничего, думала Лидка, с остервенением пластая сыр на своей Кухне, это ненадолго.

Через месяц она перестала шарахаться от странных кухонных приспособлений и бегать за каждой ерундой по бескрайним стерильным просторам Кухни. Достаточно позвать или правильно задать вопрос.

Переступая порог своего института, Лидка теперь могла только суеверно думать о предопределении и прочих кармических вещах. На какое-то время она стала лучшей на своём курсе, но быстро сдала назад: привлекать лишнее внимание к себе и Кухне Лидке показалось неразумным. Хватит, что прошла от покоя и хорошего питания нервная мамина язва.

У бывшей одноклассницы Жени скоро

намечалась свадьба, и Лида невзначай поинтересовалась у замотанной невесты, почём нынче тортики на заказ. Узнав сумму, предложила свой вариант. По дружбе, сказала, обойдётся дешевле. Женя посомневалась, но согласилась: финансов было в обрез, и любая экономия радовала. Торт, разумеется, превзошёл все и вся. У продержавшихся до сладкого гостей потом начиналось непроизвольное слюнотечение при попытке описать его вкус. На мастерицу посыпались заказы. Когда денежные капельки слились в ручеёк, Лидка предусмотрительно нанесла визит одному старому, ещё по доКухонным временам, приятелю. Приятель нынче крышевал в их районе мелких лавочников и перекупщиков. Проверенный товарищ Лидке был рад. РРРасчувствовавшись, они даже переспали на сентиментальной почве и по старой памяти, и вопрос был решён во мгновение ока. Ручеёк отощал, зато сон стал гораздо крепче. Рецепты, рецепты, рецепты...

Никто не интересовался, откуда у Лидки продукты, времена не располагали. Каждый крутится, как может, что ж, повезёт в следующий раз, а нарываться на неприятности в лице районного авторитета никому не охота. Тем более что Лидка соблюдала строгую меру, прекрасно зная допустимый потолок. Нет, она тщательно берегла

свою Кухню от досужего или корыстного любопытства. Кухня платила сторицей. Для мамы с первого серьёзного заработка были куплены итальянские зимние сапоги. Когда Лидка, присев на корточки, застёгивала их на маминых опухших икрах, она испытала нечто, похожее на счастье.

Но даже и не в сапогах дело, и не в уважительных взглядах соседей.

Сама по себе Кухня стала для Лидки слишком важна, чтобы рисковать.

Только не любила Лидка, если заставлял её на Кухне закат, время, когда снаружи глухо стреляли, и что-то влажно оползло по той стороне задней двери. Мучительно при этом натягивалась тонкая стальная проволока, связавшая Лидкино сердце и мизинец левой руки с того серого февральского рассвета полтора года назад.

* * *

Надя решила выйти замуж. Для Лидки это оказалось полной неожиданностью: она даже не подозревала, что Надя знает, зачем туда ходят. А тут такое. Ну и, конечно, не виделись они бог знает сколько толком, так, во дворе сталкивались, привет-привет. Лидку полностью захватила Кухня, она мало что замечала вокруг, а Надюха вот как, значит...

Лидка машинально кивала и ломала на мелкие кусочки нежнейшее печенье, которое испекла специально ради встречи.

И такой он, и разэдакий. Само собой, прекрасный прынц на белом мерине. Или, в крайнем случае, сигаретный генерал на синем «Ауди». Приехал и умыкнул. Заморочил наивную, неизвестно в какой мир глядящую Надькину голову — и умыкнул. Теперь уже поздно что-то делать, раньше смотреть надо было. Переезжает теперь Надька в столицу, во мраморно-табачный дворец, когда-то ещё увидятся. Разве что поймёт, чем её голубь на самом деле занимается... не дай бог, пусть и дальше верит в сказки.

Повинуясь внезапному порыву, Лидка рассказала единственной своей подруге о Кухне. Тоже сожалея, что не сделала этого раньше. Потому что если и есть на всём белом свете человек, способный понять и принять Кухню без кручения пальцем у виска, то это как раз Надя. И та не подкачала. Сияя огромными голубыми глазищами, Надюха, фиалка парниковая, в полном восторге кинулась обниматься, уронила столик... Никакого сомнения, ни малейшего колебания.

Потом, правда, подпортила немного. Всё так же сияя, щебетала она о том, что её ненаглядный Сашенька тоже занимается благотворительностью, открыл столовую для малоимущих и ещё что-то там

с многодетными семьями. Тоже. Лидка, чувствуя во рту кислую оскомину, промямлила, что всех не накормишь. Но Надя не смутилась. Всех нельзя, сказала она, но кого-то же можно? Лидка промолчала.

Простились сердечно, но как-то скомкано. Лидка хотела испечь на эту чёртову свадьбу свой самый крутой торт, но голубь Сашенька настоял, чтобы гулянка прошла в столице. Не дотянуться.

— Ты самая лучшая, — прошептала Надья ей на ухо, когда обнимались в самый распоследний раз, — ты ЕЁ заслужила.

О дороге под ногами Лидка не думала, шла себе, продолжая спорить с Надей, с собой, с Кухней... Левую руку тянуло и дёргало. Лидку знобило, несмотря на тёплый августовский вечер. Во дворе работали полтора фонаря, но свой двор Лидка знала подошвами до последней выбоинки, поэтому неожиданное препятствие застало её врасплох.

— Привет, — сказала препятствие, — у тебя булочка есть?

Лида крепко потёрла лицо и заставила себя улыбнуться.

— Привет, — ответила она как можно приветливее. — Булочки нету, извини, малявка.

Танька, серьёзная дама пяти лет от роду,

вздохнула с недетской серьёзностью. Булочки, которые Лидка раздавала во дворе на прошлой неделе под предлогом рекламной акции, произвели на неё неизгладимое впечатление. Кстати, акция удалась: ей заказали довольно большую партию пирожков.

— Но, — Лида с таинственным видом подняла палец, — сейчас будут.

Она отступила в тень (далеко ходить не пришлось), развернула глаза и привычно взбежала по серым ступеням, висящим в чёрной пустоте. Скрипнул ключ, распахнулась дверь... и Лида чуть не задохнулась, потому что из непривычно сумеречной Кухни на неё пахнуло непередаваемым смрадом. Как будто протухло всё и сразу.

— Эт-та ещё что?! — рывкнула она с перепугу. — А ну!..

Резко посветлело, и Кухня замерла перед ней, чистая и послушная. Приятный запах ванили.

Лида поморщилась и потёрла левый локоть.

— Мука, — скомандовала она тоном ниже. — Два стакана.

На столе возникла горка белейшей муки.

— Яйца... масло... — чётко проговаривала Лида наизусть знакомые нормы.

Аккуратный ком сдобного теста колобком катался по белому столу, делаясь плотным и гладким. Мысли Лидкины тоже сглаживались,

выбиваясь вместе с тестом. Ну не перешибёшь плетью обуха. И «шестисотый» не исчезнет из-под жирной задницы своего владельца только потому, что владелец — сволочь. Кому-то везёт, а кому-то — нет. Так было, так есть, и так будет, как говорил тёртый и битый, как труповозочный водила, чёрный котяра из муьтика.

— Нож!

Узкая полоска отточенной стали взмыла над столом.

— На шесть частей, квадратами.

Лидка упёрлась ладонями в разделочный стол. В конце концов, её случай не клинический. Она ни у кого Кухню не выпрашивала, сами дали. Она многих потихоньку подкармливает и всегда сбивает цену, если видит, что у заказчика с баблом напряг. Вот сейчас выламывается ради какой-то едва знакомой (она хоть из этого двора или из соседнего?) соплячки, которая ей вообще до свечки.

— Я заслужила, — сказала Лидка.

Нож развернулся на сто восемьдесят и, разогнавшись по столу, отрезал Лидке левый мизинец. С тем же усердным равнодушием, с каким только что кроил тесто.

Боль была невыносимой. Кухня, и лестница, и полуготовые булочки утонули в крови, во мраке и Лидкином крике. Хлопнула ли задняя дверь?

Татьяна смотрела снизу тревожно и ожидающе.

— Факир был пьян, и фокус не удался, — с огромным трудом, давась вдохами, проговорила Лидка. — Другим разом, малявка.

И, пошатываясь как пьяная, побрела домой. Мизинец, разумеется, присутствовал на обычном месте. Но по-настоящему его больше не было. За что теперь цеплялась тонкая проволока от сердца — неизвестно, но она была натянута до предела и тошнотворно вибрировала при каждом шаге.

Дома в ответ на ритуальный мамин вопрос, что приготовить на ужин, вместо привычного уже: «Не переводи продукты, ма», попросила пожарить картошки. Но ждать ужина не стала, завалилась в кровать, баюкая покалеченную руку. Сон походил на выгребную, заполненную тухлятиной яму.

Проснулась Лидка глубокой ночью от панической мысли:

— Я не заперла Кухню!

4

Первый раунд она проиграла. Слишком больно. Уже на нижней ступени фальшивого бетона лестницы кровь из обрубка хлынула так, что пижамная курточка моментально промокла на

груди и на животе, да и штанам досталось.

Лида вернулась домой, и до рассвета лежала, не шевелясь, на спине, глядя в медленно светлеющее за неплотной шторой окно. Рука болела. Отовсюду тянуло гнилью.

Она не пошла в институт, ни капли не соврав в том, что скверно себя чувствует.

Лидка пошла на Кухню. Страх за Кухню оказался сильнее, чем страх перед Кухней. Сильнее боли. Мерещились почему-то Лидке чёрные смерчи, врывающиеся в беззащитное помещение, крушащие и крошащие всё подряд.

На третьей ступеньке остановилось кровотечение. На седьмой — ушла боль.

Ключ торчал в незапертом замке, хотя Лидка никогда-никогда его так не оставляла. Но облегчение от того, что серебряная цацка никуда не делась, и вообще всё целое, было больше досады. Но то, что она увидела внутри, заставило её забыть обо всём. К этому Лидка оказалась не готова.

Как можно быть готовым к тому, что на Кухонном столе сидит какая-то чужая Танька и болтает ногами? По праву руку от Таньки стояла банка маринованных пиккулей, а по леву — персиковый компот. И держала ещё малявка обгрызенный с двух сторон кус ветчины.

— Как ты... — только и пролепетала Лидка, хватаясь за косяк.

— Лидка — забываха-растеряха, — радостно запищала девчушка, расплываясь в широкой щербатой улыбке. — Дверь забыла! А у меня всегда ключ на верёвочке!

И продемонстрировала здоровенный винтовой ключ, действительно висевший у неё на шее на бечёвке, не прекращая тарыхтеть:

— Мне тут так нравится, так чисто...

— Было, — злорадно ввернула Лидка, против воли начиная улыбаться в ответ.

Таня неожиданно смутилась:

— Я уберу, — сказала она и заёрзала, размазывая компот по столу.

Лидке стало смешно и легко. Тень понимания коснулась её.

— Вместе уберём, малявка. Мы теперь тут вместе будем хозяйничать. Но учти, я строгая, на Кухне баловства не потерплю. Тут, знаешь, такие острые ножи — страх. Порезаться — нефи... раз плюнуть.

* * *

Хозяйничать вдвоём оказалось здорово. Танюшка оказалась сознательным товарищем, самостоятельным и рассудительным. Она ходила за Лидкой хвостиком и на том свете, и на этом. Она ждала её после института, когда начались занятия,

выбегая на проспект Терешковой. Лидка её за это даже ругала.

Вдвоём у них выходили самые вкусные и необыкновенные блюда.

Поначалу Лидка опасалась, что со скандалом явятся к ней Танюшины родители, ведь девочка была с ней до позднего вечера, и уже потемну отводила её Лида в соседний двор к четвёртому подъезду.

— А тебя мама искать не будет? Нам не влетит? — спросила она в первый день их настоящего знакомства.

— Мама спит, она не будет искать.

— А как проснётся — а тебя нет?

— Мама долго спит, — безмятежный взгляд чистых серых глаз. — И у меня ключ есть.

Почему-то Лиде стало страшно до холода в спине.

— А папа?

— Папа редко бывает, он с нами не живёт. Но он клёвый, всегда подарок приносит.

— А кто за тобой смотрит?!

— Когда не спит — мама, а ещё баба Люся...

Собственно, и Лидкин папа с самого начала был понятием эфирным, мама всегда много работала, бабушка редко могла с ней посидеть... Ничего удивительного. Некоторые дети взрослеют раньше. Во все времена. Вот и Танька, а что тут

такого? Тревожило только «мама спит», но мало ли, ночная смена, то-сё...

Разбираться Лидке было лениво и трусливо. Её устраивало и так. Нечего в чужой монастырь... А при ней малявка хотя бы вовремя поест горячего.

Только через месяц Лида уступила настойчивым просьбам (до шантажа доходило) своей второй тени и переступила порог четвёртого подъезда. «Не знаю, дома ли мама», — голосом светской дамы сказала Танька, ковыряясь в замке огромным своим ключом.

Лида вошла вслед за ней и сразу всё поняла. Она знала такие квартиры. Иногда это был подвал или сарай, дом или чердак. Неважно. Это всё равно было одно и то же самое место, проклятое всем живущим на этой грёбанной земле. Здесь не жили, здесь только падали. И грязь, дрянь и мерзость превосходили здесь любое человеческое разумение. Бесполезно описывать, пытаться что-то отделить: кто хоть раз был в этом едином на всех проклятом месте, знает его навсегда, а кто не был — пусть и не знает.

В этом месте нельзя жить.

Здесь жила её Танька.

И мама, вопреки опасениям, была на месте. На продавленном диване. Плохо сделанная и безобразно раскрашенная кукла. Розовая, очень

грязная футболка с Микки и джинсовая мини. Длинные белые, в синяках, вялые ноги. Лицо цвета дешёвого парафина. Отвисшая челюсть и губы в лохмотьях потрескавшейся кожи.

— Мама спит, — сказала Таня ровно.

Лидка вздрогнула. Петля вокруг сердца, не тревожившая её с августа, затянулась одним рывком. Спит, да. Интересно, если закатать пятнистый рукав футболки, она увидит только «дорожку» или уже «колодец»?

— Хочешь, я покажу тебе мою комнату? — спросила девочка, и голос начал дрожать.

Лида не хотела. Но приличного повода не делать больше ни шагу в глубь квартиры не нашла.

Выручила её баба Люся, соседка. Маленькая кругленькая старушка вкатилась в незапертую дверь, и во мгновение ока Лида была посвящена во все тонкости бытия Танькиной семьи. Про Лиду бабка знала всё, что знала Таня. Она гороховой россыпью поведала старую как мир историю о беспутной красавице Маше, которая колется с пятнадцати, о прекраснородушном папе Лёше, который хотел её спасти своими неземными чувствами, но бежал, теряя тапки, чтоб не пропасть самому. О Таньке, которая неведомо чьими молитвами родилась здоровенькой.

— Вот оно так и тянется, — словоохотливая старушка теснила Лиду к двери. Лида не

возражала. — Машка, курва, за свою дурь на всё готова, и Танюшку Лёше не отдаёт, потому что тот алименты платит. Лёша судился было, но кому в этой стране чего надо, а на взятку ему не хватает. Я Танечке на дверь щеколду прибила, тут такие страшные ходят, не приведи господи. Один всё на неё зыркал не по-доброму. Каждую ночь здесь сатана гуляет.

Речь баблюсина была, несомненно, неоднократно откатана по лавочкам и очередям, где полно досужих ушей. Лидку коробило, что она совсем не стесняется Таньки. Но та стояла тихо, вдавившись спиной в Лидкины колени. Маша на диване шевельнулась. Вякнула пружина, прервав поток сплетен.

— А я тут подумала, — громко сказала Лида, вклинившись в паузу, — а что если Таня у меня пока поживёт? У меня двушка, только мы с мамой, места полно. Диван хороший есть. Идём, малявка?

Таня молчала, только прижалась крепче.

А баба Люся расплакалась. Мелкими и частыми старческими слезами.

— Я бы давно её забрала, — сказала она. — Машке-то без разницы, заразе... Муж у меня паралитик лежачий. Одна комната. Я старая, не могу уже, диабет... Хоть бы боженька кого из нас прибрал поскорее... Забирай её, девонька, может, спасёшь... Хватится Машка — скажу ей, где доця, а

не хватится — пусть горит, курва...

5

Маму Лидка поставила перед фактом. Та охала, хваталась то за сердце, то за голову. И страшно, и ответственно...

На все причитания Лидка выдала заготовленную фразу. Жестокую, из тех, что рассчитаны на добивание:

— Ты ещё скажи, что у нас есть нечего.

И мысленно добавила: «Прости меня, мама».

Счастье жило вместе с ними десять дней. Мама стала бабушкой Олей, и ей очень шло это почётное звание. Она всё прилаживала на Таньку старые Лидины платица, всё выплетала ей какие-то косички-хвостики, сказки на ночь рассказывала, гуляла с ней в парчике. И хотя давным-давно Татьяна гуляла сама, она важно и ответственно вышагивала «за ручку» с бабушкой Олей, разглаживая на ходу полы новенького красного пальтишка.

Она принесла в дом чистую радость, и даже вырезанные из лучшей маминой блузы лиловые пионы были в радость: как можно сердиться, если взамен Танька поставила ситцевую латочку? Она обрисовала стены фломастерами, но обои и так

давно пора менять. Вот летом и поменяем, да, Лидочка? К Таньке уже бегали какие-то приятели, усугубляя метушню и счастье.

Она вешалась Лидке на шею с порога и интимно вопрошала на ухо: «Что сегодня готовим?» Лида смеялась, и они шли сначала на кухню, а потом на Кухню. Это было их тайной и разговором, их двоих на целый мир.

Только раз за эти десять дней Лидка ощутила боль в руке, когда Танюша во сне застонала и позвала маму.

Одиннадцатым днём дверной звонок протренькал:

— Кран-ты, кран-ты.

Маша оказалась очень высокой женщиной. Лидка доставала ей до подбородка. Подбородок этот трясся. Типичный отходняк. Маша накрасилась модной сиреневой помадой, которая только подчёркивала глубокие трещины и мелкие болячки на губах.

— Я за Танькой, — сказала она, нервно теребя рукав кожанки явно с чужого плеча. Джинсовая мини была та же, что и десять дней назад. — Спсиб, что приглянули. Я-то занятая была. Она вас не слишком в расход... того... ввела?

Лида не подняла глаз выше, так и разглядывала сиреневые губёхи. Молчала.